

ЖОРЖ ГУРВИЧ

СОЦИАЛЬНЫЕ РАМКИ ПОЗНАНИЯ (фрагменты из книги)*

Книга Ж. Гурвича воспроизводит, с некоторыми необходимыми исправлениями, уточнениями и добавлениями, курс лекций, прочитанный в Сорбонне в 1964–1965 гг. Ключевой проблемой являются социальные рамки видов и форм познания, а также, когда речь идет о таких особенно важных макросоциальных образованиях, как государства, церкви, социальные классы и глобальные общества, иерархии различных проявлений знания, т.е. когнитивные системы.

The volume of Georges Gurvitch reproduces with some necessary corrections, specifications, additions the course of lectures that he has delivers in Sorbonne in 1964–1965. The key problem is social frames of types and forms of knowledge, and the hierarchy of different manifestations of knowledge, e.g. cognitive systems. The last aspect is considered under the analysis of such macro-social formations as state, church, social classes, global societies.

Ключевые слова: Ж. Гурвич, социология знания, когнитивные системы, типы и формы знания.

Keywords: G. Gurvitch, sociology of knowledge, cognitive systems, types and forms of knowledge.

Глава VI. ГОСУДАРСТВА И ИХ КОГНИТИВНЫЕ СИСТЕМЫ

Будучи блоками локальных группировок, государства, однако, не являются вследствие этого сверхфункциональными, но остаются, подобно этим группировкам, многофункциональными. Для различных видов и форм познания они представляют гораздо более богатые и разнообразные социальные рамки, чем те, которыми мы занимались до сих пор. Тем не менее, они никоим образом не могут отождествляться с глобальными обществами, которые в наше время составляют нации. В качестве частичных тотальных социальных феноменов государства представляют собой политические общества, которые выражаются в частных структурах и на которых надстраиваются организованные аппараты, оказывающие безусловное принуждение, известное под названием политического суверенитета. Ни политические общества, ни их структуры, ни, наконец, их организованные аппараты не обладают универсальной компетенцией, даже когда они на это претендуют. Их компетенция, какой бы большой она не была, придается им глобальным обществом, которое одно только является обладателем юридического суверенитета и стремится поддерживать свой официальный суверенитет.

---

* *Продолжение.* Начало см. в нашем журнале: 2008. Т. 10. Вып. 3–4 (42–43), 5–6 (44–45); 2009. Т. 11. Вып. 1 (46–47). Настоящий текст представляет собой перевод первых трех частей книги известного французско-российского социолога Георгия Давидовича (Жоржа) Гурвича (1894–1965). Это последняя из более тридцати книг Гурвича, опубликованная уже после смерти автора.

С самого начала индустриализации государства имеют тенденцию к тому, чтобы стать инструментами классового господства. Вот почему они всегда живут (независимо от международных отношений и их участия или неучастия в формально-правовых или фактических союзах, которые стало привычным обозначать термином «международные блоки» (см. прим. 1), в очень напряженной атмосфере, насыщенной внутренними конфликтами, о чем свидетельствует, с одной стороны, борьба государства с локальными группировками различного объема (включая большие города и регионы), напряженность между общественными организациями и армией, антагонизмы между законодательными, административными и судебными органами, а, с другой стороны, трудности, возникающие в отношениях между государством и экономическими группировками, профсоюзами, церквями, не говоря уже о тех проблемах, которые порождают у него социальные классы, не находящиеся у власти.

К этой сложной ситуации прибавляются изменения государства в функции различных политических режимов. Последние тем более демократичны, чем их организованные аппараты более открыты для проникновения структур политических обществ и, через их посредство, подспудных глобальных обществ. Патриархальная монархия, абсолютная монархия, конституционная и парламентская монархия, либеральная демократия, народная демократия, бюрократическая технократия (часто связанная с фашизмом), централизованный коллективизм, децентрализованный коллективизм на базе рабочего самоуправления, ориентируют когнитивную систему, соответствующую государству (то есть, источником которой является государство) в различных направлениях. В четвертой части этой книги, посвященной типам глобальных обществ, и соответствующим системам познания мы вновь вернемся к проблеме роли различных политических режимов в познании. Однако поскольку мы рассматриваем государство как одну из частных групп, мы считаем возможным уже сейчас отметить, некоторые характеристики когнитивных систем, которым соответствуют социальные рамки, называемые «государствами».

Будучи главным образом совокупностью территориальных группировок, противостоящей другим государствам и ревностно охраняющей свои собственные границы, государство придает первостепенное значение *перцептивному познанию внешнего мира*. Поскольку оно имеет основой занимаемую территорию, оно помещает ее в аутическое пространство (что особенно акцентируется в случае «изоляциизма»). Поскольку государство противопоставляет себя другим государствам, оно помещает внешний мир в эгоцентрическое пространство. Наконец, когда оно объединяется с другими государствами, входит в один из «блоков» или, наоборот, противопоставляет себя им, познаваемый им внешний мир оказывается помещенным в пространство одновременно прожективное и концентрическое. Это подтверждается также при рассмотрении его военной деятельности, в которую раньше входило сооружение крепостей и фортификационных линий, а сегодня — создание самолетов, производство атомных бомб и запуски межконтинентальных и межпланетных ракет.

Разумеется, государство познает (и с каждым днем все более и более) внешний мир также с экономической точки зрения, мир полезных ископаемых, плодородных районов или же благоприятных для промышленности (отсюда проблема «освоения территорий»), или для туризма. То же самое верно и в отношении торгового обмена, «мирного соревнования» или «общего рынка» (если он когда-нибудь реализуется)

(см. прим. 2). Рассмотренное в последних аспектах пространство, в которое помещается внешний мир, раскрывается, вплоть до того, что становится перспективным.

Государство, следовательно, в качестве социального центра отводит место специфическому перцептивному познанию внешнего мира и пространств, в которые последний помещается, познанию чрезвычайно сложному, усложненному еще множественностью и изменчивостью технических средств сообщения, которыми государство располагает и которые использует на своей территории. К этому прибавляются флуктуации господствующих в нем социальных времен и их проекция в познаваемый внешний мир.

В той мере, в какой речь идет о перцептивном познании государством внешнего мира, обычно преобладает время, связанное с настоящим и ближайшим будущим. Кроме того, государство прибегает к квантификации пространств и времен, в которых оно живет, как для того, чтобы обеспечивать регулярность своего функционирования, так и для того, чтобы облегчить сложное познание внешнего мира. Оно, таким образом, устанавливает различные измерительные эталоны, которые находят завершение в «пространственно-временных системах координат» и календарях.

Акцентуированными формами в этом виде познания являются главным образом следующие: символическая, концептуальная, коллективная, позитивная и рациональная, за исключением харизматических теократий, где две последние формы заменены спекулятивной и мистической.

Второй вид познания, который играет существенную роль в когнитивной системе, рамкой которой является государство, это, очевидно, *политическое познание*. Осуществление политической власти обуславливает применение тактических средств регулирования недовольства и удовлетворения требований различных регионов, общественных организаций, групп, не говоря уже о различных социальных классах (когда последние конституируются) и политических партиях, когда они могут выражать свои позиции. Даже при авторитарных и диктаторских режимах руководителям требуется определенное «политическое познание», чтобы поддерживать и укреплять свою власть. Акцентуированные формы внутри этого вида познания варьируются в соответствии с режимом.

Познание посредством здравого смысла может играть или не играть роль в когнитивной системе, источником которой является государство. Оно может сочетаться либо с политическим познанием руководства, либо усиливать политическое познание оппозиции данному политическому режиму. Познание посредством здравого смысла, занимающее в настоящее время одно из последних мест как в глобальном обществе, так и в большом количестве частных групп, в том, что касается государственного аппарата, концентрируется в некоторых общественных службах и в так называемых «конституционных органах». Имеется, например, гораздо больше здравого смысла в решениях Государственного Совета — Высшей административной палаты Франции, или Верховного суда Соединенных Штатов (компетенции которого несравненно более широки, чем компетенции французского Государственного Совета), чем в правительственных административных решениях. Однако когда это познание обнаруживается в общественных службах с очень ограниченными компетенциями, например, в Службе почт и телекоммуникаций (Р.Т.Т.), Национальном обществе французских железных дорог (S.N.C.F.) и т.п. оно часто тормозится рутинной и духом бюрократизма.

Техническое познание обычно играет важную роль в государстве. Напомним, что речь идет не только о познании манипуляции материей (в частности, производительными силами), но и об управлении людьми и обществами. С самого своего возникновения государство имеет верховную власть над орудиями разрушения и армиями, управляющими ими. К этому прибавилось управление торговым мореплаванием (античные города-государства), сельским хозяйством (теократо-харизматические государства, патримониальные и феодальные монархии), индустриальные мануфактуры (государства начала капитализма), а в настоящее время — «планирование и освоение территорий» (государства, соответствующие организованному дирижистскому капитализму). В то же время значительное место занимает деятельность огромного техно-бюрократического аппарата государства, более обширного и сильного, чем всегда. Разумеется, акцентуации форм технического познания, источником которого является государство, чрезвычайно изменчивы.

На первый взгляд, все остальные виды познания, даже познание Другого и «Мы», не говоря уже о научном и философском познании, не находятся в прямой связи с государством. Но этот первый взгляд является обманчивым.

Так, уже политическое познание и познание посредством здравого смысла предполагают познание Других и «Мы» (включая сюда группировки и социальные классы, когда они существуют). Более того. Философское познание, которое не соответствует обязательно государству и политическому режиму, господствующему в данный момент, может либо испытывать его влияние, либо наоборот, воздействовать на государство. Таким образом, социально-политические философии могут служить оправданием политических режимов или, напротив, способствовать их разрушению. Несомненно, что либеральные, социалистические, демократические, коммунистические или фашистские философии могут воздействовать на резко противостоящие им политические режимы, вызывая с их стороны сильные реакции или кризисы и даже, при соответствующих конъюнктурах, их крушение. Здесь познание может одерживать верх над социальной рамкой, в которой оно утверждается; функциональная связь между познанием и соответствующей социальной рамкой прерывается в пользу познания.

Не следует также забывать, что государство может сознательно вторгаться в развитие научного и философского познания (как, впрочем, и в развитие технического, или скорее в данном случае «технологического познания»), беря на себя инициативу в функционировании учебных заведений, распространении знаний, организации научных исследований, наконец, в основании новых образовательных институтов, проникнутых более современным духом. Именно это произошло в начальный период капитализма, в конце XVII—XVIII вв., когда государство, чтобы противостоять влиянию католической церкви на три уровня образования, в котором господствовали риторика и схоластика, давно отставшие от современной действительности, должно было взять на себя важные инициативы. Вмешательство государства с целью модернизации образования началось уже в XVI в. с создания «Коллеж де Франс», призванного внести дух Возрождения в университетскую среду и составить конкуренцию Сорбонне, уснувшей под тяжестью схоластики. За этим событием последовало основание в 1634 г. при Людовике XIII и благодаря инициативе Ришелье Французской Академии.

Благодаря настоянию Кольбера при Людовике XIV родились: в 1663 г. «Академия надписей и изящной словесности» и в 1666–1669 гг. «Академия наук». Две последние Академии послужили источником распространения в умах французов вна-

чале философии Декарта, затем «века Просвещения». В то же время были основаны высшие технические учебные заведения: «Горная школа», «Школа мостов и дорог», «Морская школа», «Артиллерийская школа» и т.д. Лаицизация всего общественного образования и отделение церкви от государства, в частности, в области знания, его распространения и преподавания, провозглашенные французской революцией, лишь завершили дело, начатое при старом режиме. Впрочем, революционное государство само основало в 1795 г. важное отделение современной Академии - «Академию моральных и политических наук». «Академия Изыщных Искусств» родилась в том же году; это также творение Революции.

Очевидно, что в последних приведенных нами примерах государство вмешивается не как рамка традиционного знания, но как создатель новых центров, призванных способствовать развитию новой когнитивной системы.

Эти замечания о роли государства в познании носят лишь самый общий характер; они конкретизируются в четвертой части книги, когда мы рассмотрим в качестве рамок познания глобальные общества различных типов, общества и структуры, внутри которых действуют различным образом организованные государства; их разнообразные режимы играют специфическую роль в качестве социальных рамок когнитивных систем.

Глава VII. ЦЕРКВИ И ИХ КОГНИТИВНЫЕ СИСТЕМЫ

Мы не можем завершить эту часть книги, не остановившись на тех блоках многофункциональных групп, которые в исторических обществах принимают часто более широкий размах, чем государства. Это церкви, представительницы мировых религий, таких как христианство, ислам, буддизм, иудаизм (см. прим. 3). Рассматривая церкви в качестве средоточий когнитивных систем, мы оставляем в стороне все, что касается отношений между церковью или церквями и государством (отношений, которые могут варьироваться от полного совпадения в теократиях до тотального отделения в либеральных или дирижистских демократиях и коллективистских централизаторских или децентрализаторских режимах).

В качестве социальных рамок познания церкви прежде всего всегда зависят от характера их догм, от верований, от участников, от обрядов, предписываемых верующим; во-вторых, они зависят от интенсивности мистического общения, которое в них актуализируется; наконец, они зависят также от структур и организаций, связанных с этими догмами, верованиями, обрядами. Мы ограничимся примером трех христианских Церквей: католической, православной и протестантской; мы будем кратки, поскольку эта область не относится специально к нашей компетенции.

Когнитивные системы, соответствующие этим трем социальным рамкам, далеко не тождественны друг другу, что мы и постараемся показать в ходе последующего анализа.

А) Католическая Церковь и ее когнитивная система

В когнитивной системе, соответствующей католической Церкви, господствует *теолого-философское познание*; здесь оно носит наиболее разработанный и цельный характер. Это связано с тем фактом, что она утверждает догмы (специфичность которых по отношению к двум другим направлениям христианства состоит в подчеркивании абсолютной трансцендентности Святой Троицы (см. прим. 4)), в которых рациональная, концептуальная и коллективная формы знания чрезвычайно акцентированы, тогда как мистическая, спекулятивная и символическая формы познания оказываются в них на втором плане. Эта система сочетается с весьма стабили-

зированной структурой и чрезвычайно жесткой организацией, характеризующихся интенсивным стремлением к всеобщности. Однако это познание присуще главным образом духовенству и его сложной иерархии. В средние века, например, оно было уделом университетов, которые были тогда церковными учреждениями. Еще сегодня оно едва затрагивает простых верующих. Эта констатация подтверждается тем фактом, что чем больше католическая церковь акцентирует свою тенденцию к всеобщности, тем больше общины, которые она создает, ослабевают, превращаясь в сообщества и даже массы верующих.

Второй вид познания, играющий значительную роль в системе знания, источником которого является католическая церковь, — это *перцептивное познание внешнего мира*, имеющее свой центр в Ватикане. Поговорка, столь распространенная в средние века: «все дороги ведут в Рим», — выражает факт, имеющий значение и сегодня: *католическая церковь помещает мир в прожективные и проспективные пространства, сливающиеся в Ватикане*. Это пространство, соответствующее распространению церкви, истинности ее догм, обрядов, символов, а также ее прогнозам: обращение неверующих вчера; реинтеграция православных и протестантов сегодня. Познание времени в таком случае занимает довольно незначительное место, поскольку здесь преобладает циклическое время религиозных обрядов и календарей.

В-третьих, довольно значительную роль в этой рамке играет также политическое сознание. Уже само функционирование католической церкви с ее обширной организацией, сложной иерархией духовенства и не менее сложными отношениями между различными орденами предполагает определенные тактические познания, чаще всего скорее скрытые, чем явные. Это познание стало особенно необходимым вследствие многочисленных конфликтов, которые в течение веков имели место между католической церковью и государством, а также с другими светскими группами, не говоря уже об ее отношениях, более или менее напряженных или же, наоборот, ориентированных, как в настоящее время, на согласие, с другими христианскими направлениями.

В феодальных обществах некоторые аспекты политического сознания были разработаны в качестве общеизвестных политических доктрин (см. прим. 5). Не следует забывать также в связи с этим, что в течение XIX—XX вв. многие доктринальные течения испытали влияние политического познания церкви; от контрреволюционных доктрин де Бональда и де Местра или даже социализирующих учений, проникнутых сенсимонизмом, таких как доктрины Бюше (см. прим. 6) и Леру, гораздо более консервативных концепций Ф. Ле Пле (см. прим. 7), и вплоть до все более передового и модернизированного социального католицизма «Сийон» Марка Санье и нового движения «священников-рабочих». Все это представляет усилия по поддержанию связи между современной политико-социальной доктриной и спонтанным политическим познанием католической церкви.

Вызывает удивление то, что ни собственно тактическое познание, ни разнообразные политические доктрины, вдохновленные католической церковью, не акцентируют мистическую или спекулятивную форму, а наоборот, они остаются явно рациональными, концептуальными и даже позитивными. Совсем иначе обстоит дело с православной церковью.

Познание Другого и «Мы» непосредственно невозможно выявить в католической церкви в целом; оно ограничивается монастырями и в крайних случаях различными орденами. Так же обстоит дело с *техническим познанием*, в смысле манипуляции мате-

рией, инициатором которого в средние века иногда бывали монастыри и религиозные ордена. Но если в техническое познание включать манипулирование людьми — что является одним из аспектов политического познания — то католическая церковь, напротив, представляет своим функционированием очень впечатляющий пример.

Другие виды познания (познание посредством здравого смысла, научное познание и философское познание в собственном смысле) полностью растворяются в предыдущих.

В) *Православная церковь и ее когнитивная система*

При переходе от социальной рамки католической церкви к социальной рамке православной церкви когнитивная система существенно изменяется.

Теолого-философское познание занимает также первое место, но оно совершенно иначе ориентировано. Оно утверждает, что *творение мира Богом не завершено, но продолжается под эгидой святого Духа*; последний «возвышает человечество и общество до участия в божественном творении мира и самих себя». Эта тенденция, промежуточная между утверждением трансцендентности и имманентности Бога по отношению к миру и обществу, то есть между теизмом и пантеизмом, лишает всякой ригидности структуру и даже организацию православной церкви.

Она допускает разнообразные конфигурации, которые могут варьироваться от демократического правления собранием всех верующих или, по крайней мере, всего духовенства до патриархата и даже до византийского цезаро-папизма, включая также избранные или назначаемые синоды.

Во всяком случае, теолого-философское познание, свойственное православной церкви — познание, в котором мистическая форма сильно акцентирована — может оказывать влияние на простых верующих, так же как и на духовенство любого ранга. Такова, например, столь распространенная у русских крестьян вера в то, что земля, которую они обрабатывают, «принадлежит только Богу», но «должна управляться теми, кто на ней трудится». При старом режиме эта вера вела к отрицанию законности прав земельных собственников, а при современном советском строе она может привести к отказу в праве собственности на землю централизаторского коллективистского государства и способствовать тенденции к самоуправлению «колхозов» в направлении децентрализаторского коллективизма.

Политическое познание занимает второе по значимости место в рамках православной церкви, как с точки зрения тактики, так и с точки зрения социально-политических идеалов. Оно вторгается не только в сложные отношения между церковью и государством, в изменчивое и колеблющееся функционирование церковных властей, или между многочисленными православными церквями, но также и в политическую ориентацию верующих, каков бы ни был ее оттенок.

Так, для православной церкви проповедуемая теологическая догма вполне совместима с приятием крайне левых позиций в той мере, в какой общество под эгидой Святого Духа призвано помочь Богу в его продолжающемся творении мира, в частности, социального мира. Именно это, по-видимому, объясняет сохранение православия в коммунистических странах среди широких слоев населения. Следует, однако, признать то, что это никогда не мешало православной церкви и ее верующим в различных странах мира либо занимать правые, либо крайне правые позиции, либо обнаруживать полную социально-политическую индифферентность, в соответствии с разнообразными конъюнктурами.

Перцептивное познание внешнего мира занимает в когнитивной системе, соответствующей социальным рамкам православной церкви, только третье и последнее место. Действительно, эта церковь, в противоположность католической, совершенно не обнаруживает тенденции к прозелитизму. В конце концов, согласно православным верованиям, пространства, в которые помещен внешний мир, должны исчезнуть перед лицом веры. Познание внешнего мира оправдано только в той мере, в какой человечество и общество под руководством Святого Духа могут участвовать в продолжении творения этого мира Богом.

В то же время широкое распространение в мире православных верующих и независимых церквей, которые они составляют, способствует помещению внешнего мира в диффузные пространства. Более того, познание времен, в которых движутся внешний мир и человеческие общества, играет здесь гораздо более важную роль, чем познание пространств, вследствие того, что догма о Святом Духе вызывает особый интерес ко времени участия в творении мира и общества, так же как и ко времени, опережающему само себя.

Что же касается других видов познания, то они здесь находятся в таком же положении, что и в католической церкви; существует только значительное различие в акцентуации форм: в данном случае преобладают мистическая, спекулятивная и символическая формы знания.

С) Реформаторские церкви и их когнитивные системы

Наблюдение разнообразных протестантских церквей в качестве социальных рамок знания приводит к результатам, весьма отличным от тех, к которым нас приводит изучение двух других христианских церквей. Прежде всего, протестантская догматика не стремится к созданию системы веры, и некоторые группы протестантского направления, такие как «квакеры», очень распространенные в Соединенных Штатах, в принципе отрицают пользу всякой теологии. В то же время культ чисто внутреннего характера веры, вера в то, что Бог доступен только индивидуальному сознанию или даже имманентен ему, так же как имманентны этому сознанию ад и рай — все это делает протестантские церкви неблагоприятными источниками для специфической системы видов познания.

Представляется, что в этой социальной рамке *политическое познание* должно быть поставлено на первый план, по крайней мере, в его тактическом аспекте, в том виде как оно проявляется в определенных отношениях: проповедников и верующих, проповедников между собой и с административными советами, избранными верующими (консистории), отношения многочисленных протестантских церквей между собой и с государством, с другими христианскими церквями и, наконец, с политическими партиями.

Экзегетическое познание Евангелий заменяет теолого-философское познание, вызывая, однако, принятие специфических философских позиций. Оно располагается на втором плане в этой когнитивной системе.

Протестантские церкви не оставляют места ни для какого специфического познания внешнего мира. Светский и мирской внешний мир не признаются ими как объект, достойный познания; этот сознательный отказ от внешнего мира вызывает, рикошетом, внутри самой церкви господство познания внешнего мира, основанного на критериях, навязываемых государством и глобальным обществом.

Напротив, *философское познание* поддерживается протестантскими церквями как источниками знания, так же как и научное и техническое познание, по поводу которых

Маркс, с одной стороны, Макс Вебер – с другой, пришли к аналогичным выводам, которые, к сожалению, отводят слишком много места теологическим устремлениям буржуазного происхождения, способствующим развитию капитализма, и недостаточно внимания уделяют самой структуре и организации реформаторских церквей.

Что касается их философских позиций, то эти церкви особенно способствовали идеалистическому субъективизму и его различным выражениям (Кант, Шлейермахер, Кьеркегор). Закрытое и замкнутое в себе сознание, развиваемое этими церквями, почти не способствовало познанию Другого. С этой точки зрения характерны идеи Кьеркегора: индивиды не могут ни общаться, ни понимать друг друга без посредничества Христа.

Познание посредством здравого смысла не имеет в этой рамке ничего специфического и смешивается с познанием буржуазного класса, о котором пойдет речь ниже (см. прим. 8).

Акцентированными формами в видах познания, составляющих когнитивную систему реформаторских церквей, являются, как правило, обычно рациональная, концептуальная, символическая (очень незначительно), наконец, индивидуальная формы. Только философское познание, в частности, у Кьеркегора, обнаруживает некоторую мистичность.

Примечания

1. Мы предпочли бы термин «международные общества», тем более, что их всегда было множество.
2. Автор этой книги считает, что знаменитый «Общий рынок» сможет быть реализован только при режиме «децентрализованного коллективизма», если ему удастся утвердиться во всех западных и восточных европейских странах, т.е. во Франции, Италии, Бельгии, Нидерландах, Дании, Великобритании, Швеции, Норвегии, Финляндии, в обеих Германиях, а также в СССР, Польше, Чехословакии, Югославии и Румынии. Очевидно, что это не столь близкая перспектива. Но прежде, чем она реализуется, все рассуждения по поводу «Европы» и «Общего рынка» являются либо чистыми утопиями, либо масками, за которыми прячутся новые формы экономического империализма некоторых членов так называемого «Общего рынка».
3. Брахманизм не является универсальной религией, так как в действительности он не выходит за пределы Индии. Это относится также к конфуцианству и еще в большей мере к его антиподу – даосизму (основателем которого был Лао Цзы); последние две религии не выходят за пределы Китая и районов, находящихся под его влиянием, тогда как буддизм распространен во многих частях Азии.
4. С этой точки зрения, запрещение первого сочинения Мориса Блонделя «Действие» и произведений П. Лабертоньера очень характерно. Действительно, именно за их «модернизм» и отдельные уступки по поводу частичной имманентности Святого Духа миру через творческое деяние (позиция, несколько напоминающая вдохновение и теологические интерпретации православной церкви) они были осуждены. Мы достаточно хорошо изучили сочинения П. Тейяра де Шардена, чтобы выявить и оценить «долю модернизма» в его концепции, пользующейся сегодня столь большим успехом в различных философских и религиозных кругах.
5. Начиная с Марсилия Падуанского, который первым провозглашает принцип «суверенитета народа» как источника светской власти с очевидной целью подчинить последнюю власти папы.
6. О Бюше см. находящуюся в печати диссертацию Ф. Изамбера, несколько фрагментов которой были опубликованы в журнале «Cahiers internationaux de sociologie».
7. О Фредерике Ле Пле см.: *Michel A. Les cadres sociaux de la doctrine morale de Frédéric Le Play // Cahiers internationaux de sociologie. Vol. XXXIY. 1963. P. 47-48.*
8. См. ниже, III глава III части этой книги.

Пер. с фр. А.Б. Гофмана